

ного уровня их материально-бытового обеспечения. В Молотовской области, на основании решения облисполкома, с февраля 1943 г. активно развивается процесс создания школьных подсобных хозяйств. Уже к концу года было освоено 2,7 тыс. га, что дало возможность организовать горячее питание в 973 школах. В Удмуртии подсобные хозяйства заняли около 2 тыс. га и снабжали продуктами питания 972 школьные столовые, в Свердловской области таким образом пополнили продовольственные запасы 1300 школ. В Башкирии пришкольные участки охватили 7,4 тыс. га, а школьные столовые, существовавшие главным образом за счет урожая с них, обеспечивали горячими обедами более 140 тыс. учащихся.

Под надзором властей находился и вопрос продовольственного снабжения учителей. Семьям педагогов выделялись земельные участки под индивидуальные огороды, выдавались ссуды на их обустройство. Местные органы управления создавали специальные комиссии для обследования материально-бытового положения учителей, выявляли недостатки и старались оперативно их устранить. Такие обследования, начиная с 1943 г., неоднократно проводились во всех областях и автономных республиках региона. В ряде случаев были выявлены серьезные нарушения и факты бездушия. Многие учителя долгое время не получали хлеб и продуктовые карточки. К примеру, в Башкирии в 1943 г. продовольственные карточки имели только 75 % педагогов. В ряде районов (Стерлитамакском, Бакалинском, Дюртюлимском, Бирском, Мишкинском, Альшеевском и др.) учителя не имели единовременного хлебного пайка и довольствовались крайне низкой нормой, доходившей до 100 г в день. Но и эти мизерные порции выдавались нерегулярно. Так, в Троицком районе Чкаловской области задержки в хлебном обеспечении учителей затягивались на 3 и более месяцев.

Негативные явления в решении вопроса материально-бытового обеспечения учителей наблюдались и на других территориях региона. С целью их пресечения итоги рейдов в обязательном порядке рассматривались органами власти. Лица, виновные в нарушениях правительственных распоряжений, подвергались взысканиям; намечались и осуществлялись меры по устранению выявленных недостатков.

Н. В. Суржикова

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДОВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ (1942-1949 ГГ.)

Уже в первые дни Великой Отечественной войны в ходе беспорядочных боев на западной границе Советской Армией были взяты в плен военнослужащие противника. С развитием военных действий число их неуклонно возрастало, превысив к концу войны 4 мл. чел.

Содержать военнопленных вблизи линии фронта было и опасно, и невыгодно. Ситуация обострилась в 1942 г. в связи с массовым пленением военнослужащих противника. Поэтому вражеские военнопленные стали высылаться в тыл и размещаться в специально созданных в системе Главного управления по делам военно-

пленных и интернированных НКВД-МВД СССР тыловых лагерях, руководство которых отвечало не только за содержание и обеспечение военнопленных, но и за налаживание их как можно более эффективного трудоустройства.

При организации трудового использования вражеских военнопленных в значительной степени был заимствован опыт другого управления НКВД-МВД, использовавшего труд заключенных, – ГУЛАГа. Более того, работая на предприятиях и стройках военнопленные получили возможность ознакомиться едва ли не со всеми «передовыми методами социалистического труда». Источники свидетельствуют, что их условия труда немногим отличались от условий, в которых работали советские рабочие. Имевшие же место при организации трудового использования бывших солдат и офицеров иностранных армий нарушения норм международного права были скорее вызваны причинами объективного свойства, нежели злонамеренными действиями с чьей бы то ни было стороны. Тем более, что в военные и послевоенные годы, когда вся страна самоотверженно трудилась, разбираться в деталях права военнопленных было попросту некогда.

Вопрос об эффективности трудового использования бывших военнопленных солдат и офицеров до сих пор относится к числу самых дискуссионных. В. Б. Конов по этому поводу отмечает, что реальный вклад иностранных военнопленных в развитие народного хозяйства СССР был весьма существенным. По мнению историка И. В. Безбородовой, за весь период существования лагерей УП-ВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР доход от использования труда военнопленных ни разу не достиг фактических расходов по их содержанию и даже после перевода всех лагерей военнопленных на самоокупаемость осенью 1945 г. они продолжали оставаться дотационным объектом в системе НКВД-МВД СССР. Такого же мнения придерживается и С. Карнер, ставя под сомнение приводимые в официальных документах цифры, якобы свидетельствующие в пользу эффективности трудового использования иностранных военнопленных. Исследователь полагает, что цифры эти – результат манипуляции различными показателями, из которых складываются производительность труда и рентабельность лагерей.

Насколько правомерна такая позиция, сказать трудно, поскольку для этого необходимо провести анализ более значительного массива документов. Обнаруженные нами источники о пребывании иностранных военнопленных второй мировой войны в лагерях Свердловской области, – а таких было создано 13, – не позволяют однозначно утверждать, что использовать военнопленных иностранных армий в качестве рабочей силы было экономически не выгодно. В то же время представляется весьма сомнительным, что труд военнопленных, как и любой другой подневольной категории трудящихся, мог характеризоваться высокими производственными показателями.

Из источников явствует, что в начальный период пребывания иностранных военнопленных в лагерях Среднего Урала производительность их труда была чрезвычайно низкой. По сообщению начальника Монетно-Лосинога лагерного отделения, заключенные которого трудились на добыче торфа, в течение июня-июля 1942 г. производственное задание было выполнено всего на 30-40%. Документы архивов недвусмысленно указывают, что главной причиной низкой производительности труда военнопленных было отсутствие необходимых для нормальной жизнедеятельности условий в лагерях и прежде всего недостаточность питания.

Общая физическая слабость военнопленных оставалась главной причиной низкой производительности труда и в последующие годы, а потому заработанных военнопленными денег на покрытие расходов по их содержанию до окончания войны не хватало. Это отмечалось в Приказе НКВД СССР №0160 от 15 июня 1945 г. «Об итогах трудового использования военнопленных за I квартал 1945 г.»: из 46 названных в нем лагерей хороших показателей добились только четыре лагеря.

По имеющимся данным, все лагеря военнопленных Свердловской области оставались нерентабельными и содержались за счет дотаций из государственного бюджета до третьего квартала 1945 г. К концу 1945 г. на самоокупаемость перешли пять из 13 лагерей области, а в 1946 г. – 11 лагерей. Нерентабельными остались лагеря № 318 и 531, которые содержались за счет доходов других лагерей, так как их собственный контингент был занят на низкооплачиваемых лесоразработках и добыче торфа.

В 1947 г. лагеря военнопленных Свердловской области снова стали дотационными. Связано это было с резким ухудшением физического состояния военнопленных из-за общего снижения суточного рациона питания и отмены всех дополнительных форм довольствия для работающих военнопленных. При сокращении количества выводимых на работы хозорганов заключенных лагерей областного Отдела по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) рентабельными в 1947 г. остались только два лагеря – № 313 и №504.

Неудовлетворительное финансовое состояние лагерей было зафиксировано и в первом полугодии 1948 г. Добиться превышения доходов от трудового использования военнопленных над расходами по их содержанию удалось только к концу года. Лагеря военнопленных при этом возвратили государству полученную в первой половине года дотацию в сумме 10 050 тыс. рублей и сверх того сдали в доход государства 3 550 тыс. рублей.

Перейти на самоокупаемость в полном объеме лагеря военнопленных Свердловской области смогли только во второй половине 1949 г., перечислив в доход государства 33 076 тыс. рублей. Наиболее высоких показателей выполнения производственного плана добились в 1949 г. лагеря № 153 (137,5%), № 314 (127,2%), № 504 (117,6%). Всего же за период с 1945 г. по 1949г. фактическая рентабельность лагерей областного ОПВИ составила, по подсчетам работников производственного отдела, 102%.

Сводные данные о рентабельности лагерей военнопленных за 1945-1949гг. приведены в Таблице 1. Нельзя сказать, что тенденция постепенного повышения эффективности трудового использования узников областного ОПВИ приобрела в этот период устойчивый характер. Тем не менее, при плановом убытке в 13,5% лагеря военнопленных, по подсчетам работников производственного отдела, оказались самоокупаемыми на 102,5%. К сожалению, проверить, насколько эти подсчеты отражали действительное положение дел, не представляется возможным.

Источники весьма скупо свидетельствуют о том, компенсировались ли затраты на содержание военнопленных за счет их трудоиспользования в разрезе отдельных лагерей, а только путем обобщения этих данных можно восстановить реальную картину. Имеющиеся же сведения по одному из лагерей Свердловской области – Нижнетагильскому лагерю № 153 – показывают, что после перехода на

самоокупаемость с 1-о октября 1945 г. по 1949 г. его заключенными было заработано 7 313 тыс. рублей, а на их содержание за это же время было затрачено 22 057 рублей. Таким образом, доходы от трудового использования военнопленных в три раза уступали расходам лагеря; в денежном выражении фактический убыток составил 14 744 тыс. рублей. При этом из полученной от государства дотации в размере 12 216 тыс. рублей лагерь возвратил только 11 462 тыс. рублей, задолжав 754 тыс. рублей. Представляется вполне вероятным, что аналогичная ситуация имела место и в других лагерях военнопленных Свердловской области.

Таблица 1

Рентабельность лагерей военнопленных Свердловской области (1945-1949 гг.)

Показатель	ГОДЫ		ИТОГО			
	1945	1946	1947	1948	1949	
Всего содержится военнопленных, чел.	68 046	74 962	60 285	32 166	15 486	50 135
Всего отработано человеко-дней	12 164 439	16 085 682	10 348 429	7 211 308	3 872 372	49 682 230
Валовая сумма выработки, тыс. рублей	146 253	242 574	174 907	140 362	95 710	799 806
Выработка на 1 человеко-день, рублей	12,5	14,9	17,68	19,64	24,33	16,3
Плановая стоимость содержания военнопленного в месяц, рублей	200,0	250,0	456,0	456,0	456,0	364,0
Фактическая стоимость содержания военнопленного в месяц, рублей	172,0	232,0	358,0	353,0	422,0	307,0
Выработка на одного военнопленного в месяц, рублей	178,0	271,0	242,0	362,0	515,0	314,0
Плановая рентабельность лагерей, %	89,0	108,5	53,1	79,4	113,0	86,5

Показатель	ГОДЫ		ИТОГО			
	1945	1946	1947	1948	1949	
Фактическая рентабельность лагерей, %	103,5	116,9	67,6	102,5	122,0	102,0
Выплачено военнопленным, тыс. рублей	10 953	28 062	12 154	13 264	16 857	81 290
Выплачено военнопленным к валовой сумме выработки, %	7,5	11,6	6,9	9,5	17,6	10,2

Источник: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 121.

По документам, представляемым чиновниками областного ОПВИ в Москву, лагеря военнопленных Среднего Урала в период с 1945 г. по 1949 г. добились не только превышения доходов от трудового использования своих заключенных над расходами по их содержанию, но и ежегодного увеличения производительности труда военнопленных.

Минимальная производительность труда военнопленных была зафиксирована в Свердловской области в 1945 г, максимальная – в 1949 г. Между тем источники свидетельствуют, что военнопленные работали со значительно меньшей отдачей, чем вольнонаемные советские рабочие на тех же производственных объектах. К примеру, занятые на предприятиях Красноуральского рудоуправления военнопленные в среднем выполняли установленную норму выработки: в 1944 г. – на 52,2%, в 1945 г. – на 64,3%, в 1946 г. – на 68,3%. За эти же годы советские рабочие выработывали соответственно 130,0%, 127,7% и 120,3% планового задания. Остается непонятным, почему производительность труда вольнонаемных рабочих треста «Красноуральскмедьруда» год от года снижалась, – в данном случае важно не это. Несмотря на отрицательную динамику производительности труда советских рабочих и положительную динамику производительности труда военнопленных, последним так и не удалось приблизиться к показателям выработки вольнонаемной категории трудящихся.

Таблица 2

Производительность труда военнопленных лагерей Свердловской области (1945-1949гг)

Показатели	Период	Годы				
		1945	1946	1947	1948	1949
Выводилось на работы, в среднем чел.	I квартал	18 923	48 089	33 249	28 656	17 850
	II квартал	24 968	52 671	33 099	27 732	16 253
	III квартал	57 365	60 604	37 001	20 135	12 961
	IV квартал	54 005	53 674	28 477	18 889	4 748
	За год	38 815	53 009	32 952	23 852	12 953
Не выполняло нормы выработки, в среднем чел.	I квартал	7 964	10 430	5 951	2 808	535
	II квартал	10 734	4 810	4 998	2 246	179
	III квартал	15 280	4 487	1 739	1 087	52
	IV квартал	12 430	10 927	3 232	850	28
	За год	11 602	7 663	3 955	1 648	199
Не выполняло нормы выработки к выводу, %	I квартал	42,0	21,6	17,9	9,8	3,0
	II квартал	41,0	9,1	15,1	8,1	1,1
	III квартал	26,7	7,4	4,7	5,4	0,4
	IV квартал	23,0	20,4	11,0	4,5	0,6
	За год	30,0	14,5	12,2	6,9	1,2
Средняя производительность труда, %	I квартал	95,6	111,0	122,0	129,0	136,8
	II квартал	100,1	123,0	126,0	130,8	145,3
	III квартал	106,8	125,0	130,0	134,4	151,5
	IV квартал	107,6	118,0	128,3	133,6	145,7
	За год	106,4	119,0	126,8	131,9	144,8

Источник: РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 113.

На другом предприятии – Среднеуральском медеплавильном заводе – средний процент выполнения нормы выработки военнопленными составил в 1947 г. – 102,0%, в 1948 г. – 111,1%; в то же время советские рабочие выполняли плановые задания соответственно на 124,7% и 129,7%. Не исключено, что своим предоставляли более выгодные участки работ, чем военнопленным. Однако более вероятно, что советские рабочие трудились с гораздо большей самоотдачей и даже самоотверженностью, чем узники лагерей областного ОПВИ. Как представляется, вопрос о том, насколько приводимые в документах показатели трудового использования военнопленных отражали реальную стоимость произведенного ими продукта, еще нуждается в изучении. Дальнейшее продвижение в данном направлении затруднено как минимум двумя обстоятельствами. Во-пер-

вых, историку, ставящему перед собой задачу объективного анализа проблемы, требуется надежная источниковая база, которая бы позволила вычислить реальную производительность труда узников лагерей военнопленных Среднего Урала, а вместе с тем – установить, насколько заработанные ими суммы покрывали затраты на их же содержание. Доступные же на сегодняшний день архивные материалы, несмотря на наличие в них статистической информации, изначально малорепрезентативны. Во-вторых, даже владея всеми действительно значимыми экономическими параметрами трудоустройства военнопленных, следует помнить об общем своеобразии ценообразования «экономики социализма».

Принимая во внимание все вышесказанное хотелось бы, тем не менее отметить, что даже без сомнительных рекордов труда, зафиксированных в официальных документах, вклад иностранных военнопленных в развитие Среднего Урала очевиден и нагляден в буквальном смысле слова, поскольку внешний облик городов Свердловской области до сих пор определяется так называемыми «немецкими» постройками военных и послевоенных лет. Не будет преувеличением сказать, что своим значительно возросшим в военные и послевоенные годы производственным потенциалом и более разносторонней индустрией, способной решать новые народнохозяйственные задачи, Средний Урал в какой-то степени обязан и труду иностранных военнопленных второй мировой войны.

Г. Н. Шапошников

БЫТ СВЯЗИСТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – КОНЕЦ 1950-Х ГГ.)

В истории электросвязи Урала можно выделить три больших этапа.

Первый охватывал период индустриализации и проходил с семидесятых годов прошлого века по средину двадцатого столетия. В это время произошло становление российской и советской систем электросвязи, ее количественное развитие, превращение в важный фактор экономики и социальной инфраструктуры. Техническую основу всего хозяйства связи в это время составляли неавтоматические (ручные) передающие и принимающие устройства (РТС, аппараты Морзе, Бодо, СТ-35 и др.) ламповая радиоаппаратура. В линейном хозяйстве главенствовали воздушные магистрали без аппаратуры уплотнения.

Второй этап охватывает 50-60-е гг., когда в СССР начинается быстрое внедрение полуавтоматических систем передачи телеграмм, АТС декадно-шаговых систем, полупроводников в радиосвязи, аппаратуры уплотнения в линейном хозяйстве. Наиболее ярко эти новые моменты проявились в телеграфии, где в начале 60-х гг. был заметно облегчен транзитный переприем.

Третий этап начался в середине 60-х, когда в связи утверждается полная автоматика (внедрение станций прямых соединений и абонентского телеграфа, координатных, а впоследствии и электронных АТС, качественно новой аппаратуры уплотнения и др.).

Завершающие годы первого этапа приходятся на послевоенное двадцатилетие. В это время в советской связи завершились процессы восстановления раз-